

На грани смерти и бессмертия

В 1836 году А. С. Пушкин написал «Отцы пустынноики и жёны непорочны» – переложение молитвы святого Ефрема Сирина.

Ефрем Сирин жил в 4-м веке. Оставил много толкований Святого Писания и других сочинений, переведённых на греческий. Также сочинял умиленные молитвы и песнопения. Великопостная молитва Ефрема Сирина широко известна:

Господи и Владыко живота моего!

Дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети мои прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Так молился великий святой. Как же передаёт нам молитву смертный человек и бессмертный гений Александр Сергеевич Пушкин?

Среди множества молитв, сложенных отцами-пустынниками и жёнами непорочными, поэту «всё чаще приходит на уста» только одна великопостная молитва «и падшего крепит неведомою силою»:

Владыко дней моих!

дух праздности унылой,

любоначала, змеи сокрытой сей,

и празднословия не дай душе моей.

но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,

да брат мой от меня не примет осужденья,

и дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи.

В 1836 году Пушкин пересматривает всю свою жизнь. Праздность и уныние, названные Ефремом Сириным отдельно, друг за другом, поэт объединяет в одно – праздность унылая. Ну да, для поэта праздность всегда уныла. Хотя значение этого слова «праздность», производного от слова «праздъ» – ничегонеделье, свободное время от трудной и тяжёлой физической работы крестьянства и вообще трудового народа. В этом случае праздность, праздъ, становится отдыхом, праздником. Но Ефрем Сирин говорит о духе праздности. И гений Пушкина определяет унылым дух праздности поэта, потому что в праздности «меж детей ничтожных мира быть может всех ничтожней он».

Валентин Непомнящий говорит о крупном отступлении Пушкина от оригинала молитвы: «...вместо скупой и монолитной формулы Ефрема Сирина у Пушкина “Дух праздности унылой, Любоначала, змеи сокрытой сей, И празднословия не дай душе моей”. Эта метафорическая змея появляется потому, что Пушкин вводит усиление в том месте, где именуется грех, всего более страшный его: “Любоначала, змеи сокрытой сей”. Образ змеи много раз появляется в произведениях Пушкина. Но если в “Пророке” (1826) “жало мудрая змеи”, в “Воспоминании” (1828) “змеи сердечной угрызенья” мучают поэта, то в молитве 1836 года «змеи сокрытой»... Этим эпитетом поэт хочет подчеркнуть, что любоначалие скрытно, тайно, незаметно для него самого овладевает человеком. Духовное начальство над всеми – вот как называется этот страшный грех гордыни. Любоначалие над несчастными узниками, над царем, обществом и страной, над сердцами людей, наконец...

Откуда же появляется эта непомерная гордыня, это упоение собой?»

Нельзя не согласиться с мнением В. С. Непомнящего, что это «упоение собой ведёт к слепоте и глухоте. Отсюда потеря чувства такта и ориентации в реальных исторических и человеческих обстоятельствах». В. Непомнящий в книге «Поэзия и судьба» достаточно подробно останавливается на вопросе отношений личности Пушкина и его гения.

Мы же здесь остановимся на конкретных произведениях, где любоначалие как соблазн духовного владычества, своей могучей власти над умами у Пушкина проявилось с таким мощным самозабвением.

«Желание славы» было написано в 1825 году. Это излюбленное Пушкиным двухчастное стихотворение. Вторая часть – это страшная месть! Оно звучит как заклинание, заговор. Это уже не просто поэзия, это демоническая власть, которой обладает поэтический гений. В стихотворении четырежды повторяется слово «чтоб». Словно проклятье:

Желаю славы я, ч т о б именем моим
Твой слух был поражён всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья...

Несчастливая жертва попадает в круг демонической власти всемогущего слова. Её слух, она сама, всё, всё вокруг неё, память – вся жертва – окружена его именем, им самим, молвою, голосом.

Горе тому, кто подпадёт под такое духовное владычество: от него действительно трудно освободиться. Но в 1825 году желание славы ново для Пушкина, эта новая страсть родилась как бы в отместку той женщине, которая изменила. «Я новым для меня желанием томим», – признаётся поэт... Но окружить женщину собой, своим именем! О, это страшное, страстное, мстительное желание собственника, не желающего уступить никому другому то, что ему так дорого и любимо! Любоначалие... Оно возникает и в других стихотворениях Пушкина: «Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен; ...Но если...» Он спокоен, потому что она плачет. И что же в этом «Но если...»? Опять «мщенье, бурная мечта ожесточённого страданья»?

Но сразу же вслед за «Желанием славы» Пушкин пишет стихотворение «Храни меня, мой талисман», где мщение сменится заклинанием, просьбой – словом «храни», которое повторяется здесь шесть раз! Поэт сам чувствует себя жертвой:

Пускай же век сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

И ещё раз обратится Пушкин к талисману, но уже в 1827 году. От чего же охранит талисман, который вручила ему восточная волшебница?

От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!

Почти повторяется строка 1825 года! Долго, долго сердечные и другие раны растравляли сердце поэта и незаметно привели к «змеи сокрытой сей», к осознанию своего любоначала, в котором он искренне раскаивается, повторяя далее слово в слово молитву Ефрема Сирина.

«Не здесь ли, в этой высокой и смиренной молитве, стоящей почти рядом с “Памятником”, с его “милостью к падшим”, подводятся духовный итог многолетнего – на всю жизнь – внутреннего диалога сложных и столь часто мучительных отношений смертного человека со своим бессмертным даром?» – предполагает В. Непомнящий.

Да, и здесь, и на протяжении всей своей великой жизни поэт жил и творил на грани смерти и бессмертия.

1996–1997 гг.

Красота и воля поэта

(о поэтическом творчестве)

Искусство и литература. Кто не помнит эту школьную тему? Но почему «и»? Разве литература не искусство? К примеру, писать картины искусство? Искусство. А писать прозу или стихи? Тоже искусство. Искусство творчества. Да и само это слово можно так «расшифровать»: искус сотворения, что само по себе многозначно. Искус, искушение, сотворение – творение своего мира, что может делать только Бог. Вот почему «искус». То есть настоящее стихотворение – творение наравне с Богом. Это великое искушение, за которое творец своего мира – поэт – и будет в ответе перед Богом. За каждое слово, мысль, рифму, за каждую запятую!

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён. <...>
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.

(«Поэт», 1825)

Значит, слух поэта должен стать чутким к себе самому, к окружающему его миру; душа поэта должна трепетать, только тогда божественное слово делает стихи поэзией, искусством.

Творческая сила. «Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать», – писал Грибоедов Катенину в ответ на его слова, что в грибоедовских стихах «дарования более, нежели искусства». «Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытверженного, приобретённого потом и сидением искусства... в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам... нежели собственно творческой силы, – тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо брось за окошко... Я как живу, так и пишу – свободно и свободно».

Цитата взята из книги В. В. Кожинова «Как пишут стихи». Последняя строка чаще всего цитируется: «Я как живу, так и пишу – свободно и свободно». Значит ли это, что творческая сила заключается в свободе? Или только в даровании? Или в соединении стихии дарования и свободной воли художника? Дело в том, что одарённый человек, но не прикладывающий собственной творческой силы воли к своему дарованию, всегда находится перед опасностью зарыть свой талант в землю. И ничего из этого таланта не вырастет. Но сила воли художника всегда должна быть творческой, а не конструивистской.

Поэтому нельзя руководствоваться статьей В. Маяковского «Как делать стихи», который всё же написал: «...очень решительно оговариваюсь: я не даю никаких правил для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создаёт эти самые поэтические правила».

Таким образом, творческая сила – это сила воли, сила свободы поэта или сила вдохновения.

В «Разговоре продавца с поэтом» (1824) А. С. Пушкина читаем:

В часы ночного вдохновенья
Всё волновало нежный ум...
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,

И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грёзы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались...
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом
И музы пламенных даров
Не унижал постыдным торгом...

Вот она, истинная творческая сила, как жить, так и писать свободно и свободно – не для славы, не для денег, не для любви. Это детская способность «свободно распоряжаться собой и миром». Когда у поэта есть «признак Бога, вдохновенье...». Но ещё свободнее творчество, вообще никак не воплощённое ни в чтении, ни в письме, ни в ожидании славы за свободу творить:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шёпот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Пушкин ставит вдохновение свободного творчества выше всего – выше славы, выше денег, выше влюблённого внимания! Вот что такое истинная творческая сила.

Красота и воля.

Пушкин однажды сказал: «Я думал стихами». Кожинов в своей книге делает вывод: «Думать и говорить как бы прямо и непосредственно стихами – это и есть высшая искусность поэта». В великом разборе пушкинского стихотворения «Я вас любил» он показывает красоту и силу поэзии Пушкина, её естественность, её тонкость и утончённость, её стройность и целостность: одним словом, всю искусность поэтического творчества.

В чём тут дело? Разве только в одной чувственности, в одном мощном «чувствилище» (Л. Анненский)? Нет! Дело в красоте и воле поэта к созданию этой красоты в её естественном проявлении, это «души высокие созданья», которые поэт «про себя таил». Но Пушкин настолько «блажен», то есть гениален, что смог передать это блаженное, высокое, мучительное, болезненное состояние человека в любви «безмолвной, безнадежной, искренней и нежной», «робкой» и «ревнивой».

Вся красота и сила этой любви выражена в собственном самоотрицании и самоотречении. «Я не хочу печалить вас ничем». Потому и не хочет печалить, что любит. Поэтому и произносит эти блаженные, безумные слова: «Как дай вам Бог любимой быть другим».

Воля Пушкина прежде всего была направлена на самого себя, потому и умел он создавать новую красоту и силу из самого себя.

«Я памятник себе воздвиг...»

Россия – это страна поэтов, способная в «жестокий век» восславить свободу. Это «душа в заветной лире». Это не о себе Пушкин писал – о России: «мой прах переживёт и тленья убежит». Пушкин-Россия провозгласил всемирную всечеловечность, отзывчивость её в словах: «слух обо мне пройдёт по всей Руси великой», обо мне – о русском духе поэтическом. Можно плакать над словами Лермонтова: «Погиб поэт – невольник чести», а можно плакать над Россией – Поэтом – Пушкиным, которого назовёт «всяк сущий в ней язык». Сущий в ней – в России, в Пушкине! Отсюда и признан в ней, как существующий в ней, «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык».

Эта всемирная отзывчивость по «велью Божию». Это наша судьба, русская идея, а потому «обида не страшась, не требуя венца; хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

Равнодушно – значит спокойно, так как быть человеком и оставаться человеком в наш не менее жестокий век – эта трагическая миссия великого безмолвия предназначена Богом только великому народу в великой России.

1997–1998 гг.

К Пушкину через 200 лет

История народа принадлежит поэту.

А. Пушкин

Пушкинскому гению повезло родиться и развиваться в героическую для России эпоху: патристический подъем 1812 года, возвращение Александра I с победою в 1815 году, встреча с Чаадаевым в 1816 году, с которым он делился «вольнлюбивыми мечтами» и вёл «пророческие споры» – всё это предопределило раннее созревание Пушкина как политического деятеля. До 1820 года взгляды поэта были достаточно умеренными:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря?

За идеей освобождения крестьян следует идея конституционной монархии:

Склонитесь первые главой
Под сень надёжную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Но уже в «Исторических записках» 1821 года Пушкин говорит о влиянии европейском и азиатском невежестве послепетровского времени и о неспособности наследников к «новому вдохновению» строительства государства.

Говоря о царствовании Екатерины II, поэт намеренно заменяет одно слово в библейской фразе: «Много было званых, и много избранных» – любовников, наместников, любимцев, которые уничтожали благородный дух дворянства, расхищали казну. В «записках» Пушкин противопоставляет добрые начинания государыни конечному их результату: «Екатерина уничтожила название рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян и закрепостила вольную Малороссию... уничтожила пытку – а тайная канцелярия процветала... любила просвещение, а Новикова, Радищева, Княжнина... преследовала, гнала духовенство и монашество, чем вызвала равнодушие к отечественной религии, насмешки».

Пушкин откровенно высказывает сожаление об этом, «ибо греческое вероисповедание... даёт нам особенный национальный характер... мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением».

О дальнейшем изменении политических взглядов поэта можно судить по известному стихотворению 1823 года:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Упования на революцию лопнули, именно это вызывает такую ярость поэта, прежде беспристрастного.

В Одессе Пушкин сближается с консервативно-религиозным писателем Стурдзой и, попав в Михайловскую ссылку за атеистические увлечения «единственным умным афеєм», он, видимо, другого умного атеиста не встретил в своей жизни, и сердце его уже влеклось к счастью православного мировоззрения. В Михайловском уединении 1824–1826 годов, несмотря на житейские трудности, Пушкин создаст великую драму «Борис Годунов», приходя к убеждению, что «монархия есть в народном сознании фундамент русской политической жизни».

А в сохранившихся отрывках из десятой главы «Евгения Онегина» Пушкин даёт уничтожающую характеристику декабристов: «Всё это были разговоры, и не входила глубоко в сердца мятежные наука. Всё это было только скука, безделье молодых умов, забавы взрослых шалунов».

Особое место в этой теме занимают отношения Пушкина и Николая I. Достаточно широко этот вопрос раскрывается в книге В. Непомнящего «Поэзия и судьба». Здесь же необходимо сказать, что 8 сентября 1826 года Пушкин был привезён прямо из Михайловского на секретную аудиенцию с царём, где поэт открыто сказал царю, что, если бы был в Петербурге, он не мог бы отречься от своих друзей и принял бы участие в восстании. Николай I даровал поэту свободу... под полицейским надзором Бенкендорфа... и единственного цензора – царя.

По поручению Николая Пушкин написал записку «О народном воспитании», где высказывался о пользе иностранных университетов, которые отличаются «нравственностью и умеренностью». Особое значение Пушкин придаёт изучению русской истории, высоко оценивает труд Карамзина, называя его «подвигом честного человека». Причём вторая часть высказывания будто бы написана в наше время и для нас: «Россия слишком мало известна русским. Изучение России... должно занять умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

О! Если бы способны были мы внять мудрому учению великого национального гения!

Пушкин же получил за это от Бенкендорфа выговор об излишнем увлечении «безнравственным и беспокойным» просвещением; а затем и за «Андрея Шенье», написанное до декабрьского восстания, и за «Гавриилиаду» – шуточную поэму, от которой сам поэт потом отрекался.

К концу жизни Пушкин разглядел в царе «много от прапорщика и немножко от Петра Великого». Поэт приходит в отчаяние не только от невозможности снять ненавистный ему камер-юнкерский мундир и уйти в отставку для творческого уединения в деревне, но более всего от политической обстановки в России: «Чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом». Но широко известно и другое высказывание поэта: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, как её послал нам Бог» (письмо к Чаадаеву 1836 г.).

Пушкин хорошо понимал, что нельзя применять политику Запада к России, т. к. история их различна. Бесспорна мысль Пушкина о демократии: «С изумлением увидел я демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству; большинство, нагло притесняющее общество...» – пишет Пушкин, ссылаясь на книгу Токевиля «О демократии в Америке». Наконец, всем известно пушкинское слово об уважении к истории: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим», – приобретает особую актуальность в наше время. Но менее известно продолжение этой цитаты: «Конечно, есть достоинство выше знатности рода – именно достоинство личное... Имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться их именами?»

Достоинство личное – вот что более всего необходимо нашей современности. Гордость именами Георгия Жукова, Юрия Гагарина, Георгия Свиридова, Галины Улановой, Виктора Петровича Полляничко, русского святого мальчика Жени Родионова, не предавшего православной веры под гнусными пытками чеченских палаток, – гордость многими и многими личностями XX века – просто необходима будущим поколениям России.

А. С. Пушкин не только с ужасом думал о крестьянских бунтах – «не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», но думал он и о непрерывности культурного и политического развития в мирных условиях: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» («Мысли на дороге»).

Это высказывание почему-то не любят цитировать наши доморожденные демократы. Более того, пытаясь принизить значение А. С. Пушкина как политического мыслителя, нам навязывают мнение, что ни в одной стране мира политики не стали бы брать во внимание мысль поэта, чтобы подкрепить ею политическое убеждение. Пугают бунтом, а сами создают полицейское государство; вместо улучшения нравов устраивают насильственные политические потрясения, действительно страшные для всего человечества, о которых так пророчески предупреждал поэт устами своего героя Гринёва в «Капитанской дочке».

Истинная свобода для поэта заключается в духовной независимости творческой личности и частной жизни:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям с друг другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.

Что же дорого поэту?

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать;
Для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья. –
Вот счастье! вот права...

(«Из Пиндемонти», 1836)

«Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не в пример лучше», – писал Пушкин, переживший на собственном опыте опеку государственной власти, позволявшей себе даже вскрывать письма поэта к жене. Поэтому он и повторил в письме к Наталье Николаевне слова М. В. Ломоносова: «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного».

Вот из этого уважения к самому себе и состоит независимость духовной жизни, «наука первая: чтить самого себя». У человека возникает требование прочного правопорядка, т. е. законности. В «Мыслях на дороге» это сформулировано чётко: «Несостоятельность закона столь же вредит правительству (власти), как несостоятельность денежного обязательства». Твердыней общественной жизни, по мысли Пушкина, является наследственное дворянство, но «аристократией прав» и «рабством народа» кончается, погибает дворянство. «Где нет независимых сословий, там господствует равенство и развращающий деспотизм».

Русский философ С. Франк в статье о политических воззрениях Пушкина пишет: «В основе своей воззрение Пушкина имеет пророческое значение: с момента появления у нас “разночинцев” – представителей полуобразованных и необразованных классов – началось понижение уровня русской культуры. С крушением русской монархии... рухнула свобода и культура России». Не Россию надо пробуждать,

а вот этих «разночинцев», необразованных и развращённых деспотов всех веков. Уже в раннем вольнолюбивом творчестве Пушкин старается пробудить «чувства добрые» в царе Александре I. Монарх не внял поэту, более того, цензура запретила печатание «Вольности», а затем и второй части «Деревни». А властитель цинично заявил, что будет продолжать начатое (насаждать Чугуевские военные поселения). Так же цинично современная власть твердит о продолжении начатых «реформ» и мифического рыночного курса, хотя бы и пришлось для этого уморить голодом и холодом многие народы.

В 19 лет Пушкин написал «Отчизны внемлем призыванье». Внемлем ли мы Отчизны призыванье? Какими явились мы через 200 лет к памяти Пушкина? К памятнику, к Пушкину, наклонившему голову к нам – к «племени незнакомому»? На юбилейном вечере памяти великого русского скульптора Опекушина возник разговор о современном понимании памятника Пушкину. Поэт Анатолий Парпара увидел Пушкина «в наклоне гордой головы». Академик Валерий Балабанов считает, что современное окружение – Макдоналдс, Самсунг, иностранная реклама – убивает значение памятника, и Пушкин глядит с укоризной, со стыдом за нас. Ему возразил известный писатель Владимир Крупин, сказав, что демократическая нервность не может убить такую святыню, как Пушкин.

Мне кажется, всё сказанное справедливо и пробуждает нашу совесть, но я бы повторила известное, что Пушкин наше всё – и внемлет нашему всему, и уповаet на нас, надеется, прислушивается и ждёт «минуты вольности святой». Об ожидании святой вольности он писал другу своему Чаадаеву. В другом послании «К Н. Я. Плюсковой» Пушкин, говоря:

Я не рождён царей забавить
Стыдливой Музою моею,

с гордостью заключает:

Любовь и тайная Свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Александр I «даровал» полякам в 1818 году конституцию. Возмущение русского народа возросло, когда стало известно, что царь замыслил включить в Польшу некоторые части России.

Пушкин откликнулся на всё это стихотворением «Сказки» («Ура! В Россию скачет кочующий деспот»), где царь-отец обещает:

И людям я права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли.

Доверчивое дитя – православный народ в радости восклицает:

Неужто, в самом деле? Неужто, не шутя?
А мать ему: Бай-бай! Закрой ты глазки;
Пора уснуть уж, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки.

А вот что пишет первый поэт нашей современности Юрий Кузнецов уже не на сон, а на пробуждение России:

Нет в речи твоей склада-ладушка,
Начальнички пудрят мозги.
Проснулась ты, родина-матушка!
Да встала ты с левой ноги.
И всё-таки русские мальчики
Вцепились в твой рваный подол.
И вышли в зенит перехватчики,
Где реет двуглавый орёл.

Русские мальчики явились к Пушкину через 200 лет и не хотят переменить своё Отечество, свою веру; им нужна такая Родина, какую послал нам Бог.